

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА К А. А. ШАХМАТОВУ

Публикация Т. Г. Ивановой

В Рукописном отделе Института русской литературы хранятся 45 писем великого князя Константина Константиновича (1858—1915) к академику Алексею Александровичу Шахматову (1864—1920) за период с 1904 по 1915 г. (ф. 137, № 79—81). Великого князя и А. А. Шахматова связывали прежде всего служебные отношения. В мае 1889 г. высочайшим указом Александра III Константин Константинович был назначен одиннадцатым по счету президентом императорской Академии Наук. Видный специалист по древнерусскому языку и литературе, А. А. Шахматов в 1894 г. стал адъюнктом Академии, в 1897 г. — он уже экстраординарный академик, в 1898 г. — ординарный академик, а в 1906 г. — председательствующий в Отделении русского языка и словесности. Таким образом, взаимоотношения К. Р. и А. А. Шахматова были, прежде всего, отношениями начальника и подчиненного.

Однако публикуемые ниже письма обнаруживают более глубокие связи выдающегося филолога и одного из представителей династии Романовых. Первоначально переписка К. Р. и А. А. Шахматова не выходит за официальные служебные рамки, о чем свидетельствует и формальное обращение «многоуважаемый Алексей Александрович» в письмах августейшего президента Академии Наук. Но постепенно отношения между корреспондентами становятся теплее: письма 1913 г. уже начинаются словами «милый Алексей Александрович». Правда, Константин Константинович, по-видимому, никогда не проявлял к А. А. Шахматову той степени душевной открытости, которая чувствуется в его письмах к другому академику — А. Ф. Кони (см.: *К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы к публикации подготовлены Э. Матониной. М., 1998. С. 401—446*). Тем не менее письма К. Р. к А. А. Шахматову представляют важный источник информации.

В письмах звучит несколько тем, небезынтересных для истории русской культуры. Во-первых, это тема Пушкинских премий. К. Р. регулярно участвовал в работе Комиссии по присуждению премий имени А. С. Пушкина и охотно брал на себя рецензирование присланных трудов. Привлекали его, что вполне естественно, прежде всего поэтические произведения. Со временем сухая информация Константина Константиновича А. А. Шахматову о том, что он подготовил отзыв на стихи того или иного автора, перерастает в его откровенные оценки литературных процессов начала XX столетия. Так, в двух письмах от 26 марта и 7 мая 1913 г. звучит резкая критика творчества В. Я. Брюсова. Мы еще только начинаем осознавать вклад великого

князя в развитие Академии Наук (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993) и в русскую поэзию (см.: *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. СПб., 1996). Письма К. Р. к А. А. Шахматову помогают понять еще одну грань его творческой личности — как литературного критика.

Письма свидетельствуют, что А. А. Шахматов в глазах К. Р. был непререкаемым авторитетом в области истории русского языка и древнерусской письменности. Всеми своими сомнениями, вызванными прочтением книг, касающихся этих сторон русской культуры, великий князь спешит поделиться с А. А. Шахматовым, ища у него разъяснений (см. письма от 23 февраля и 26 марта 1913 г. о мнении епископа Кириона по поводу «Повести временных лет» или письмо от 16 марта 1915 г. о словаре тюркских наречий В. В. Радлова).

В 1880-е—1890-е гг. у К. Р. были литературные наставники, которых он высоко ценил и к мнению которых почти безоговорочно прислушивался, — это И. А. Гончаров, А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Н. Н. Страхов (с каждым из перечисленных литераторов великий князь находился в переписке). Однако неумолимое время лишило К. Р. его учителей: все они к началу XX столетия ушли из жизни. Без сомнения, А. А. Шахматов, который был на шесть лет моложе Константина Константиновича, не мог заменить ему А. А. Фета или тонкого и опытного критика Н. Н. Стрхова. Тем не менее А. А. Шахматов оказался среди немногих, кого уже зрелый поэт К. Р. допускал в свое поэтическое «я». Так, 13 сентября 1912 г. он посылал возможным послать А. А. Шахматову для ознакомления рукопись самого дорогого своего произведения — драму «Царь Иудейский». Судя по следующему письму, от 17 сентября 1912 г., ответ А. А. Шахматова был неформальным, и замечания, высказанные им, заинтересовали К. Р. и были восприняты им с благодарностью. Неслучайно, из своего заграничного путешествия 1913 г. именно А. А. Шахматову Константин Константинович считает необходимым послать только что написанное им стихотворение «Закат над Нилом» (см. письмо от 26 марта 1913 г.).

Наконец, публикуемые письма приоткрывают некоторые детали жизни и деятельности Академии Наук в 1900-е—1910-е гг. При К. Р. и А. А. Шахматове в Академии произошли важные структурные изменения. По уставу 1836 г. (с дополнениями 1841 г.) Академия Наук делилась на три отделения: 1) Физико-математическое 2) Русского языка и словесности (ОРЯС) 3) Историко-филологическое. В 1899 г. в рамках празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина в память о поэте при ОРЯС был учрежден Разряд изящной словесности, в который избирались действительные и почетные академики — писатели, поэты, переводчики, исследователи литературы. Данный акт явился возрождением давней академической традиции Российской Академии, существовавшей наряду с императорской Академией Наук и примерно аналогичной по своим задачам ОРЯС, когда членами Российской Академии были Фонвизин, Княжнин, Хемницер, Богданович, Капнист, Державин, Вяземский, Крылов, Карамзин, Жуковский, Дмитриев, Гнедич, Загоскин и Пушкин (с 1833 г.) (см.: *Арсеньев К. К.* Российская Академия и Разряд изящной словесности. СПб., 1901 (Сб. ОРЯС; Т. 70, N 4)).

Указ Николая II об учреждении Разряда изящной словесности был подписан 29 апреля 1899 г. (см.: Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии Наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 г. СПб., 1907. С. 66—67). 8 января 1900 г. состоялись первые выборы в почетные академики по Разряду изящной словесности. Были избраны Л. Н. Толстой, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев, А. П. Чехов, В. Г. Короленко и сам К. Р. 9 марта 1900 г. в Мраморном дворце, принадлежавшем К. Р., состоялось первое соединенное заседание ОРЯС и Разряда изящной словесности. Великий князь Константин Константинович выступил с речью. Об-

ращаясь к вновь избранным почетным академикам, К. Р. сказал: «Ваш круг может и должен расти; но да будет этот рост постепенен и правилен, чтобы служить не в ущерб Разряду изящной словесности, а к вящему его укреплению. От души выражаю пожелание, чтобы доблестный круг ваш расширился не по веянию партийного духа, нередко свойственного печати и общественным толкам, не по личным пристрастиям и сочувствиям, а под влиянием строгой и осмыслительной разборчивости, в силу уважения к нравственному облику избираемого и всегда согласно с чуткой художественной совестью» (см.: *Соболев В. С. Августейший президент.* СПб., 1993. С. 115—116).

Обсуждение положения о Разряде изящной словесности — предмет трех писем К. Р., хранящихся в РО ИРЛИ. В переписке Константина Константиновича с А. А. Шахматовым поднимались и другие вопросы, связанные с деятельностью Академии: помощь со стороны Академии Саратовской ученой архивной комиссии, обеспечение сохранности архивов, оказавшихся во время Первой мировой войны близ районов боевых действий, двойное гражданство академика императорской Академии Наук В. Ягича и др.

Ниже публикуется 25 писем К. Р. к А. А. Шахматову.

1

3 (16) января 1904 г. Петербург (?)

3 января 1904.

Разряд изящной словесности составляет одно нераздельное целое с Отделением русск<ого> яз<ыка> и словесности и избираемые на шесть утвержденных 29 апреля 1899 г. должностей ординарные академики суть действительные члены Отделения, хотя бы были избраны из писателей-художников.

Понятие разряда определяет отдел занятий академиков по их специальности, как разряды наук математических, физических и биологических в I-м Отделении и разряды наук историко-политических и восточной словесности в III-м Отделении, но не обозначает особого отделения в Отделении.

Почетные академики — привходящие члены разряда — не участвуют в Отделении, а только в заседаниях разряда, посвященных изящной словесности.

Выборы почетных академиков должны производиться таким же порядком, каким избираются действительные члены Академии, но так как почетные академики в академических собраниях участвовать не могут, то или они в выборах не подают голоса, или подают его особым порядком, в запечатанных конвертах или как-либо иначе. — Нельзя допустить, чтобы почетные академики получали преобладающее значение, в выборах своих членов: такой порядок не мог бы обеспечить беспристрастие и правильность избрания. — Если для избрания действ<ительного> члена Академии кандидат комиссии, при участии представителей разряда, которым он избирается, проходит через выборы в Отделении, а затем в Общем собрании Академии, то почему же почетные академики, которых судят не специалисты, а читатели, могут сами избирать в свои сочлены? § 8, 9 и 10 дают почетным академиком преобладание в выборах.

Может быть, почетные академики могут быть избираемы всем составом Отделения, хотя корреспонденты избираются академическим собранием.

Председательство (§ 12) может быть передаваемо только действительному члену Академии.

§ 13. Если в Петербурге будет, напр<имер>, 8 почетн<ых> академиков из 12, то заседание действительно только при 4 почетных, а при 3-х, хотя бы пришли на него все 6 ординарных академиков, оно не состоится. Нельзя ставить заседание в некую зависимость от вольных художников.

§ 16. Почетные академики не могут состоять всенепременными членами Комиссий: из 12-ти следовало бы избирать в члены комиссии определенное число.

§ 20. Нельзя употреблять остатки от мест, а от содержания на 6 академических мест.

Константин.

2

8 (21) января 1904 г. Петербург (?)

8 янв<аря> 1904.

Редакцию § 6-го считаю необходимым слегка изменить и несколько дополнить во избежание недоразумений. Если оставить слова «тем порядком», как было напечатано в корректуре, без оговорки, то могла бы возникнуть мысль о необходимости избрания в Общем собрании, предусмотренного упоминаемым порядком. Хотя ниже в § 9 и говорится об окончательности избрания в Разряд, но внесенное мною дополнение исключает возможность неправильного толкования.¹

Константин.

¹ Письма 1 и 2 отражают один из этапов работы над постановлением о Разряде изящной словесности. Постановление было утверждено 15 января 1904 г. См.: Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии Наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 г. СПб., 1907. С. 68—72.

3

26 января (8 февраля) 1907 г. Павловск

Павловск. 26 янв<аря> 1907.

Искренно благодарю вас за предупреждение и нерасположение Ф. Е. Корша¹ в пользу присуждения В. Шуфу почетного отзыва Академии за сонеты под заглавием «В край иной».²

Крупные недостатки г. Шуфа замечены и мною и в этом отношении я согласен с Федором Евгеньевичем. Но помимо погрешностей есть в сонетах и положительные достоинства, на которые нельзя закрывать глаз ради недочетов. Весьма возможно, что завтра я окажусь в положении Н. А. Котляревского,³ несколько лет назад представлявшего к полной награде Пушкинской премии⁴ стихотворения покойного К. К. Случевского (отца),⁵ которые тем не менее не были удостоены премии.

Во всяком случае завтрашнее заседание обещает быть оживленным и занимательным. Мой доклад потребует немного более часа времени.

Искренне вам благодарный
Константин.

¹ *Корш Федор Евгеньевич* (1843—1915) — филолог, лингвист, специалист по античной литературе; академик (с 1900 г.).

² *Шуф Владимир Александрович* (псевд.: Борей, Зефир) (1864—1913) — поэт и прозаик, журналист. Печатался с 1884 г. В юности у В. А. Шуфа врачи заподозрили туберкулез легких, что заставило его около десяти лет прожить в Крыму. Крымские впечатления отразились во многих его произведениях (см.: Крымские стихотворения. М., 1890; Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы. 2-е изд. СПб., 1895). В 1897 г. в качестве корреспондента от газеты «Петербургский листок» он побывал на греко-турецкой войне (см.: На востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне. СПб., 1897). В. А. Шуф был свидетелем землетрясения в Шемахе (см.: Гибель Шемахи (Сальфа). СПб., 1902). Корреспондентом той же газеты он сопровождал германского императора Вильгельма во время его поездки в Палестину, Сирию и Египет. Как военный корреспондент «Нового времени» отражал события русско-японской войны. Впечатления о перечисленных поездках отразились в сонетах В. А. Шуфа «В край иной» (СПб., 1906).

В Пушкинском Доме хранится библиографическая картотека А. Д. Алексеева, отражающая содержание большинства литературных журналов начала XX в. Картотека фиксирует значительное число публикаций В. Шуфа и рецензий на него, что свидетельствует об определенной популярности этого поэта. В январе 1909 г. состоялось чествование В. А. Шуфа по поводу двадцатипятилетия его литературной деятельности (см.: 25-летний юбилей В. А. Шуфа // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 850—851). Откликнулась пресса и на его смерть (см.: Исторический вестник. 1913. № 12. С. 1212—1213; Русская мысль. 1913. № 12, отд. 3. С. 55).

Рецензия К. Р. на сборник В. Шуфа «В край иной... Сонеты» (СПб., 1906) помечена 29 декабря 1906 г. Согласно постановлению о Разряде изящной словесности, почетные академики имели право ходатайствовать о награждении писателей и поэтов золотой Пушкинской медалью и почетным отзывом. По-видимому, отзыв К. Р. о сонетах В. Шуфа писался в рамках реализации данного права, принадлежавшего Константину Константиновичу как почетному академику. Рецензия опубликована: К. Р. Критический разбор книги В. Шуфа «В край иной...». СПб., 1907; перепечатано: Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года. Отчеты и рецензии. СПб., 1911. С. 89—125 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 89: № 6); К. Р. Критические отзывы. СПб., 1915. С. 98—135 (Далее: Критические отзывы).

К. Р. не принял сатирической направленности некоторых произведений В. Шуфа, например, его выпадов против В. В. Стасова («Вот другой — мудрее ста сов / И в премудрости сугуб / Громогласный критик С<тасо>в / Он велик, — велик как дуб») в романе в стихах «Сварогов» (СПб., 1898). Тем не менее в целом критик достаточно высоко оценил поэтическое дарование В. Шуфа: «...около четверти книжки „В край иной“ содержит в себе изящные и по мысли, и по изложению поэтические создания» (Критические отзывы. С. 98). В поэзии В. Шуфа рецензента привлекло отсутствие декадентского настроения. Так, цикл сонетов о русско-японской войне критик противопоставил знаменитому рассказу Л. Андреева «Красный смех»: «Надо поставить в заслугу поэту, что изображая „ужасы войны“, описывая раны, кровь и смерть, он не переступает грани художественности, не превращает поэзии

в анатомический театр, как это сделал, напр., Леонид Андреев в „Красном смехе“. а, между тем, наш поэт не отступает от правды, которая становится тем правдивее, тем ближе к жизни, чем лучше умеет поэт вовремя умолчать об иных подробностях. Художественное, поэтическое чутье подсказало г. Шуфу истинную меру» (Там же. С. 125).

Привлекает К. Р. в поэзии В. Шуфа и поиски автором истинной веры: «Мы видим, что безверие постепенно сменяется если еще не верой, то стремлением к ней. Душа поэта не выносит собственной пустоты и пламенно желает найти смутно угадываемое, но еще неведомое сокровище, которое заполнило бы эту пустоту» (Там же. С. 130).

Отзыв К. Р. о книге сонетов В. Шуфа был заслушан 27 января 1907 г. на заседании Разряда изящной словесности, в котором участвовали обычные академики А. А. Шахматов (председательствующий), Ф. Ф. Фортунатов, Ф. Е. Корш, Н. П. Кондаков и почетные академики К. К. Арсеньев, Н. А. Котляревский. Протокол свидетельствует: «Почетный академик К. Р. сделал сообщение о литературной деятельности Владимира Шуфа и представил критический разбор только что вышедшего сборника последнего „В край иной...: Сонеты“ (СПб., 1906). Почетным академиком К. Р. были подробно разобраны все сонеты г. Шуфа и указаны как их недостатки, так и достоинства. Сообщение это вызвало среди членов Разряда оживленный обмен мнений. Присуждение г. Шуфу почетного отзыва Разряда изящной словесности отклонено закрытой баллотировкой (четырьмя голосами против трех). Собрание выразило желание, чтобы отзыв поч^етного акад^емика К. Р. был напечатан отдельной брошюрой, с указанием на обложке, что отзыв извлечен из трудов Разряда изящной словесности» (Императорская Академия наук: Отделение русского языка и словесности: Разряд изящной словесности: В заседании 27-го января 1907 года. [Протоколы]. [СПб., 1908]. — Без указания страниц).

Через два года, в 1909 г., сборник В. Шуфа «В край иной», по всей вероятности благодаря К. Р., был представлен на присуждение премии им. А. С. Пушкина и на этот раз получил почетный отзыв.

Журнальные же отклики на сборник «В край иной» были в высшей степени неблагоприятными для автора. Анонимный рецензент «Русского богатства» отказывал В. Шуфу в поэтическом даровании и упрекал его в отсутствии патриотизма, намекая на немецкие корни поэта (см.: Новые книги // Русское богатство. 1906. № 11, отд. 2. С. 146—147). Столь же уничтожающей выглядит и рецензия Василия Григорьева, наглядно показавшего беспомощность поэта в области рифмы: одни и те же слова (например, «золотая — Китая — мечтая») рифмуются у В. Шуфа на пяти близлежащих страницах (см.: Григорьев В. [Рец.] // Весы. 1906. № 10. С. 52—55).

³ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — филолог; академик (с 1909 г.). Первый директор Пушкинского Дома (1910—1925).

⁴ Премия имени А. С. Пушкина при Академии Наук была учреждена в 1881 г.; первое присуждение состоялось в 1882 г. Премиями и почетными отзывами отмечались художественные произведения, переводы, книги по истории литературы, труды по изданию классиков. См.: Роспись отчетам о присуждении наград и премий имп. Академии Наук, присужденных на основании конкурсов при ней по 1908 г. СПб., 1911, а также упоминаемые ниже в комментариях отчеты комиссии по присуждению Пушкинских премий.

⁵ Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт и прозаик. Поэзия Случевского во многом близка лирике Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, которых особенно ценил великий князь. Случевский получал Пушкинскую премию дважды: в 1895 г. за сборник «Исторические картинки: Разные рассказы» (СПб., 1894) (рецензент В. С. Соловьев) и в 1899 г. за шеститомное издание «Сочинений» (СПб., 1898) (рецензент Н. А. Котляревский) (см.: Роспись отчетам о присуждении наград и премий имп. Академии Наук, присужденных с основания конкурсов при ней по 1908 г. СПб., 1911. С. 177). Вероятно, с присуждением второй награды были какие-то сложности.

24 февраля (9 марта) 1908 г. Петербург

Мраморный дворец.
24 февраля 1908.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

предупреждаю, что эти строки ранее чем быть посланными, подвергнутся тщательному обеззараживанию, так что вам отнюдь не грозят дифтерийные палочки, которые все еще находятся у меня в зеве и носу.

Очень польщен вниманием Разряда изящной словесности и благодарен за поручение рассмотреть три сочинения, представленные на XVIII-ое соискание Пушкинских премий. В числе их упомянуто «Полное собрание стихотворений» Д. Ратгауза,¹ между тем вы прислали мне только II-й их том. Мне помнится, всего этих томов — три. Прошу разъяснения, давать ли отзыв о всех трех томах или только о втором?

Разбор последних стихотворений А. Семенова² мною исполнен, переписывается и вскоре будет вам доставлен.

Очень прошу вас меня уведомить, были ли посланы Семенову сочинения некоторых наших классиков. Был бы вам очень благодарен, если бы вы сочли возможным разузнать о возрасте Семенова, его общественном и имущественном положении, степени его образования и начитанности и пр. Мне бы весьма хотелось иметь более подробные сведения об этом несомненно даровитом, если и не вполне уравновешенном поэте.

Искренно ваш
Константин.

¹ *Ратгауз Даниил Максимович* (1868—1937) — поэт. Родился в Харькове, окончил юридический факультет Киевского университета. Начал печататься с 1889 г. Творчество Д. М. Ратгауза высоко ценили П. И. Чайковский, Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой. На его стихи было написано около 200 романсов (Чайковский, Гречанинов, Аренский, Рахманинов, Кюи). См. в РО ИРЛИ письма Д. М. Ратгауза к С. А. Венгеру и вырезки из разных изданий с положительными откликами на его поэзию — ф. 377, оп. 7, № 3036, а также: *Нечаев В. П. Ратгауз Даниил Максимович // Литературная энциклопедия русского зарубежья*. 1918—1940: Писатели русского зарубежья. М., 1997. С. 329. Библиографические сведения о журнальных публикациях Д. М. Ратгауза и откликах на его произведения см. в картотеке А. Д. Алексеева.

К. Р. давал отзыв на издание: *Ратгауз Д.* Полн. собр. соч. СПб.; М., 1906. Т. 1—2. Рецензия была закончена 25 октября 1908 г. Опубликовано: Три критических отзыва. 1. Лирическая тоска. Стих. Д. Ратгауза. 2. Вечерний свет. Стих. Т. Ардова. 3. Сон жизни. Стих. Марии Закревской-Рейх. СПб., 1909; перепечатано: Критические отзывы. С. 233—259.

К. Р. весьма скептически, и даже язвительно, отнесся к творчеству Д. Ратгауза, причем объектом осмеяния в произведениях поэта явились мотивы тоски: «Слово тоска встречается у г. Ратгауза бесчисленное множество раз. Стихотворений, посвященных тоске, в сборнике, по крайней мере, с полсотни. Тоскою пропитано не менее 1/6 этих двух томов, содержащих 294 стихотворений <...> При известном уже нам тоскливом настроении г. Ратгауза мы, конечно, не можем требовать от него веселых

песен, но можем желать, чтобы он умерил свою тоску и, по крайней мере, не надоедал ее на читателей.

Тоска, воспеваемая нашим автором, настолько беспричинна и так мало имеет всяких оснований, что нельзя не заподозрить его в неискренности. Я склонен предположить, что г. Ратгауз рисуется своей пресловутой тоской, охотно драпируясь в ризу разочарования и становясь в живописную позу человека, пережившего свои желанья, разлюбившего свои мечты. Г. Ратгаузу нравится этот траурный наряд, и, воображая себя в нем, он сам собою любитесь» (Критические отзывы. С. 246—248). Заключение К. Р. весьма жестко и категорично: «Отсутствие в его стихах ярких образов и хотя правильно и, пожалуй, искусно подобранные слова, но большею частью представляющие собою лишь общее место, не дают нашему автору права именовать себя поэтом» (Там же. С. 259).

Оценка, которую К. Р. дал стихам Д. Ратгауза, во многом совпадает с мнением В. Брюсова. В рецензии на «Полн. собр. соч.» он не менее язвительно назвал это издание «полным собранием стихотворных банальностей»: «Здесь собраны примеры и образцы всех избитых, трафаретных выражений, всех истасканных эпитетов, всех пошлых сентенций — на любые рифмы (конечно, обиходные) и в любых размерах (конечно, употребительных)» (Брюсов В. [Рец.] // Весы. 1906. № 5. С. 68). Как и К. Р., В. Брюсов насмешливо отнесся к пессимистическим мотивам в поэзии Д. Ратгауза. Отмечает он и прямые заимствования образов и отдельных строк из Фета, Полонского, Лохвицкой, Минского. См. также: *Аврелий*. [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Песни любви и печали. СПб., 1902] // Дело и отдых. 1902. № 11. С. 166—167. — Авт.: В. Брюсов; *Аврелий*. [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Новые стихотворения. М., 1904] // Весы. 1904. № 3. С. 61. — Авт.: В. Брюсов; *Ходасевич В.* [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Лирическое безпричинной тоски. Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 1—2] // Золотое руно. 1906. № 4. С. 112—113; *Гуллиев Н.* [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Тоска бытия. Стихотворения. СПб., 1910] // Аполлон. 1910. № 7, хроника. С. 61.

² Имя Аркадия Семенова в картотеке А. Д. Алексеева отсутствует. Вероятнее всего, этот поэт никогда не печатался. К. Р. трижды в разное время выступал рецензентом стихов А. Семенова, каждый раз присланных в Отделение русского языка и словесности в рукописном виде. По-видимому, все отзывы писались вне рамок присуждения той или иной премии Академии Наук. В первом отзыве 1907 г. К. Р. признал, что автор «не только стихотворец, но и поэт» (см.: К. Р. Отзыв о стихотворениях А. А. Семенова. СПб., 1907; перепечатано: Критические отзывы. С. 148). В 1908 г., принимаясь за вторую рецензию, озаглавленную «Еще о стихотворениях А. А. Семенова», К. Р. специально оговаривал, что хочет посредством своего отзыва «прийти на помощь А. А. Семенову и еще раз дать ему случай увидеть свои стихи в печати» и поэтому включает в свой отзыв лучшие стихи поэта полностью (см.: К. Р. Еще раз о стихотворениях А. А. Семенова. СПб., 1908; перепечатано: Критические отзывы. С. 177). О третьей рецензии см. письмо 11.

5

14 (27) сентября 1908 г. Павловск

Павловск.
14 сентября.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

мне хотелось бы представить Разряду изящной словесности стихотворения П. С. Соловьевой (*Allegro*)¹ и Веры Рудич² для увенчания их похвальным отзывом Академии. Но последний сборник г-жи Соловьевой, сестры нашего покойного сочлена, помечен 1905 годом. Помнится, что трехлетняя давность появления книги лишает права испрашивать ей увенчание. И, хоть г-жа Рудич пожалуй еще более даровита — «Новые стихотворения» ее поистине превосходны — не хотелось бы обходить Поликсену Сергеевну, достоинства поэзии

которой для меня несомненны. Не откажите сообщить мне, что вы думаете о поднимаемом мною вопросе.

Прилагаю письмо Л. К. Гётца.³ Вероятно, вы тоже получили третий том его произведений. Не будете ли вы добры очень поблагодарить его от меня за любезное доставление этого труда. — Не знаю, удастся ли мне явиться в заседание 20 сентября: кончив лечение в Вильдунгене⁴ 9 числа, я по требованию врача должен по-реже ездить в город и продолжать отдых.

Искренно ваш
Константин.

¹ *Соловьева Поликсена Сергеевна* (псевд.: Allegro) (1867—1924) — поэтесса, дочь историка С. М. Соловьева, сестра поэта и философа Владимира Соловьева и исторического романиста Всеволода Соловьева. Систематически печаталась с 1895 г., преимущественно в символистских изданиях. Лучшие стихи о природе написаны под влиянием поэзии А. А. Фета.

К. Р. дал отзыв о сборнике П. С. Соловьевой «Иней. Рассказы и стихи» (СПб., 1905), закончив его в сентябре 1908 г. Опубликовано: *К. Р. Стихотворения П. С. Соловьевой. Критический отзыв*. СПб., 1911; перепечатано: *Критические отзывы*. С. 207—221. Критик высоко оценивает поэзию П. С. Соловьевой: «Г-жа Соловьева прекрасно умеет, пользуясь картинами природы, находить сравнения с различными движениями души. В этой области, особенно свойственной лирической поэзии, она может похвалиться большим искусством» (Критические отзывы. С. 214). Немаловажным фактором, способствовавшим высокой оценке Константином Константиновичем поэзии П. С. Соловьевой, является общий тон ее стихов, который он рассматривает как бодрый, в противоположность многим читателям, отмечавшим в произведениях поэтессы меланхолические настроения: «Настроение Поликсены Сергеевны всегда бодрое, жизнедающее; даже в минуты печали грусть ее кротка и покорна; отчаяние чуждо ее сердцу. Даже и в мрачной обстановке она умеет находить отрадные, примиряющие оттенки» (Там же. С. 215).

О глубоком интересе К. Р. к творчеству П. С. Соловьевой свидетельствует тот факт, что в апрельские дни 1909 г., когда отмечалась его «серебряная свадьба» с принцессой Саксен-Альтенбургской Елизаветой Маврикиевной (1865—1927), в Павловском дворце, принадлежавшем его семье, ставилась пьеса П. С. Соловьевой «Свадьба солнца и весны». Роль Весны исполнила дочь Константина Константиновича Татьяна. Солнце — его сын Константин, Весенний Дождь — сын Олег, Зимний Вечер — сын Игорь. Названная пьеса вдохновила К. Р. на стихотворение, посвященное поэтессе — «П. С. Соловьевой: На ее пьесу „Свадьба солнца и весны“» (8 марта 1909 г.) (см.: *К. Р. Стихотворения*. 1879—1912. СПб., 1913. Т. 1. С. 85—86).

² *Рудич Вера Ивановна* (1872—?) — поэтесса. Родилась в Петербурге в дворянской семье. В 1889 г. закончила гимназию; в 1896 г. — курсы сестер милосердия. Начала печататься с 1896 г. (в газете «Новое время», журналах «Мир Божий», «Стрекоза», «Народное дело» и др.). Сборники стихов — «Стихотворения» (1902); «Новые стихотворения» (1908); «В осенний полдень» (1910); «Четвертый сборник стихов» (1912). См.: Автобиография, присланная в 1913 г. С. А. Венгеру — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3110. Библиографические сведения о журнальных публикациях В. Рудич и рецензиях на ее произведения см. в картотеке А. Д. Алексеева.

К. Р. дал отзыв на сборники В. Рудич «Стихотворения» (СПб., 1902) и «Новые стихотворения» (СПб., 1908), закончив его 2 октября 1908 г. Опубликовано: Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года: Отчеты и рецензии. СПб., 1911. С. 55—65 (Сб. Отд.-ный рус. яз. и словесности; Т. 89, № 6); перепечатано: *Критические отзывы*. С. 222—232. Критик дает очень высокую оценку ее творчества: «Эти две книжки по богатству и глубине содержания и по безупречности и изяществу внешности стоят многих томов» (Критические отзывы. С. 222). Он признает за автором самостоятельность и способность увидеть поэтическое начало в самых прозаических повседневных предметах. Привлекает рецензента в поэзии В. Рудич и «необыкновенная в наши дни скромность, полное смирение и совершенное отсутствие горделивых вождлений» (Там же. С. 229). В заключение своего отзыва К. Р. просил увенчать сборник В. Рудич «Новые стихотворения» Пушкинской премией

или почетным отзывом. В 1909 г. стихи В. Рудич были удостоены почетного отзыва, причем, как следует из названной выше автобиографии В. И. Рудич, присуждение почетного отзыва было для нее неожиданностью. Очевидно, что инициатором представления стихов В. Рудич к премии был сам великий князь, а не автор, как это бывало обыкновенно. О глубоком впечатлении, которое произвело на К. Р. поэтическое дарование В. Рудич, говорит тот факт, что он посвятил ей свои стихи — «Вере Рудич» (26 февраля 1911) (см.: К. Р. Стихотворения. Т. 1. С. 87).

Высокую оценку творчества В. Рудич разделяют с К. Р. и другие критики. Так, В. О-ский откликнулся на сборник 1902 г. «Стихотворения» следующим образом: «Ничего надуманного, вымученного, вычурного; никакой претензии на якобы глубокие мысли, облеченные в туманную символику; но каждая строка лишена здоровой мысли или определенного настроения, всегда меланхолического, но без болезненного нытья или слащавой сентиментальности» (*О-ский В.* [Рец.] // Мир Божий. 1902. № 3, отд. 2. С. 73). Такого же рода отзыв дает и Н. Надеждин на сборники «Новые стихотворения» (СПб., 1908) и «Четвертый сборник стихов» (СПб., 1912) (см.: *Надеждин Н.* Костер погашенный // Известия книжного магазина Вольфа. 1912. № 12. Стб. 326—328). См. также: *К-т М.* [Рец. на кн.: Рудич В. Четвертый сборник стихов. СПб., 1912] // Исторический вестник. 1912. № 4. С. 295—298.

³ Вероятно, речь идет о немецком слависте Гётце Леопольде Карле. К. Р. в 1908 г. мог получить от него в подарок книгу: *Goetz L. K.* Staat und Kirche in Alt-russland. Kiever Periode 988—1240. Berlin, 1908.

⁴ Вильдунген — известный курорт в княжестве Вальдек, в Пруссии, славящийся своими водами, применяемыми для лечения болезней почек.

6

19 июня (2 июля) 1910 г. Осташево

Осташево,¹ Моск<овской> губ.
19 июня 1910.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

должен повиниться перед вами: покидая Павловск, чтобы ехать в деревню, я разбирал накопившиеся у меня бумаги и среди них попал на рукопись В. С. Чернявского,² которую вы вручили мне почти полгода назад. Я совершенно позабыл о ней. Очень стыжусь своей неисправности. По счастью, стихотворения г. Чернявского обличают в их авторе несомненное, даже недюженное дарование и дали мне возможность написать разбор благоприятный, так что я хоть бы этим могу искупить свою медлительность или, вернее, оплошность, а неведомому поэту дать вознаграждение за долгое ожидание.

Возвращаю вам рукопись Чернявского, прилагая к ней свою рецензию.

Посылаю также письмо некоего Алянчикова,³ довольно неосновательное. Его доводы в пользу упрощения правописания нельзя признать сильными: он опускает главные трудности правописания, действительно требующие устранения, и останавливается на мелочах, совсем не существенных. Ссылка на войска напрасна, так как там от солдат не требуют правильного употребления буквы Ъ. Указание на мое расположение к моим питомцам — воспитанникам военно-учебных заведений⁴ — не имеют отношения к упрощению правописания.

Надеюсь, что, подобно мне, вы вполне наслаждаетесь отдыхом в деревенской тишине.

Искренне ваш
Константин.

¹ Осташево — имение великого князя Константина Константиновича в Московской губернии, приобретенное им в начале XX в.

² *Чернявский Владимир Степанович* — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева сведений о журнальных публикациях стихов Чернявского и откликах на его поэзию не содержится. К. Р. дал отзыв на рукопись В. С. Чернявского 17 июня 1910 г. Опубликовано: *К. Р. Отзыв о стихотворениях В. С. Чернявского*. СПб., 1911; перепечатано: *Критические отзывы*. С. 313—323.

Не заявивший о себе в публикациях В. С. Чернявский прислал в Отделение русского языка и словесности 29 стихотворений в рукописи, прося, чтобы Разряд изящной словесности их рассмотрел. Некоторые из стихов Константин Константинович оценивает довольно высоко. Весьма характерны для К. Р. как критика его замечания по поводу стихотворной строки «И песня та всегда тоски была полна»: «Но тут уж критику приходится заступиться как за Музу г. Чернявского, так и за него самого: он положительно несправедлив к ней, а, следовательно, и к себе. По счастью, его поэзия совсем не всегда полна тоски. В его стихах, правда, иногда слышится тихая затаенная грусть, но эта грусть не имеет ничего общего с пресловутой тоской, на которую так падки многие современные стихокропатели, мнящие себя поэтами и самодовольно драпирующиеся якобы в гамлетовский плащ беспричинной печали и необоснованного уныния. Дарование нашего поэта слишком богато, разнообразно и многогранно, и ему не нужно прикрываться напускной тоской, подобно многим другим, тщетно старающимся припрятать и скрасить недостаток таланта» (*Критические отзывы*. С. 313). В шкале ценностей в оценке литературных произведений для К. Р. важным оказывается противопоставление классической поэзии (Пушкин, Фет, А. Майков, Я. Полонский) и декадентства, которое «в погоне за новостью и неопределенностью образов и сравнений» порой «задачивает бессмысленностью, тщетно требующего напрасных комментариев» (с. 317). В. С. Чернявский же не принадлежит к декадентам, что и ставит ему К. Р. в заслугу.

³ 12 апреля 1904 г. при Академии Наук была образована Комиссия по вопросу о русском правописании; председателем ее стал великий князь Константин Константинович. К лету 1912 г. был выработан проект предполагаемых правил правописания. Подробнее см.: *Чернышев В. И.* Упрощение русского правописания. I. Современное состояние русского правописания. II. Исторический очерк вопроса об его упрощении. СПб., 1912. С. 53—91. Работа Комиссии широко обсуждалась на страницах периодической печати. Н. Алянчиков, инженер, был один из тех, кто откликнулся на эту проблему. См.: *Алянчиков Н.* Открытое письмо «Тверской газете» и поборникам «граммотности» // *Тверская газета*. 1911. № 304. В своем письме Н. Алянчиков приветствовал почин газеты, которая печаталась без употребления буквы Ъ в конце слов, и поддерживал идею реформы орфографии. По-видимому, в письме Н. Алянчикова к К. Р. излагались эти же идеи.

⁴ В марте 1900 г. высочайшим приказом по Военному ведомству вел. кн. Константин Константинович был назначен Главным начальником военно-учебных заведений России (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 176).

7

13 (26) сентября 1910 г. Павловск

Павловск. 13.IX.10.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

возвращаю исправленную корректуру: заменил в ней одну только точку двоеточием и приписал заключение. Надеюсь, что оно соот-

ветствует действительности и не встретит возражений. Если же память мне изменила и г-же Соловьевой не было присуждено почетного отзыва согласно § 15-му Постановлений, то будьте добры восстановить факты.

Пожалуйста, не откажите мне в вашем посредстве для представления Разряду четырех прилагаемых работ моих:

1) Разбор рукописи г. Вл. Жуковского¹ (Рукопись по минованию надобности очень прошу мне возвратить для отсылки автору).

2) Критический разбор стихотворений С. Д. Дрожжина.²

3) и 4) Рецензии сочинений, представленных на соискание Пушкинских премий. Им обоим, то есть рецензиям суждено ждать будущего года.³

В виду того, что г. Жуковский когда-то и по моему представлению получил почетный отзыв за переводы из Эредиа,⁴ я не ограничиваюсь сообщением ему разбора его нового труда, но представляю этот разбор и Разряду.

Разбор Дрожжина написан мною по просьбе Н. А. Котляревского. Его следовало бы заслушать в заседании. Но не сочтете ли вы более удобным и менее стеснительным для гг. академиков послать мою работу каждому из них по очереди для прочтения на дому. А потом можно было бы собраться в заседание для постановления решения. Мне было бы очень совестно отнимать время у своих сочленов, утруждая их продолжительным чтением вслух довольно пространной рукописи и наводя на них скуку. Если вы согласны с моим предложением, то может быть, рассылая мой разбор Дрожжина, заодно разошлете и разбор рукописи Жуковского.

Надеюсь, что до вас дошла моя рецензия о Чернявском.

Искренно жму вам руку.

Константин.

¹ Жуковский Владимир Григорьевич (1871—1922) — поэт, переводчик. Служил в министерстве иностранных дел; долгое время находился на дипломатической службе в разных странах мира. Публиковался с 1893 г. См.: *Кеда А. А. Жуковский Владимир Григорьевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 287.

К. Р. в августе 1906 г. написал отзыв на сборник В. Г. Жуковского «Стихотворения. 1893—1904» (СПб., 1905). Опубликовано: Семнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1907 года: Отчет и рецензии. СПб., 1908. С. 114—163 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 84, № 5); перепечатано: К. Р. Отзыв о стихотворениях Владимира Жуковского. СПб., 1908; Критические отзывы. С. 45—97. Константин Константинович довольно сдержанно оценил поэтическое дарование В. Жуковского, признав удачными лишь одну седьмую из всего количества его оригинальных стихотворений: «Один из главных недостатков г. Жуковского — это деланность и искусственность» (Критические отзывы. С. 56). Тем не менее К. Р. оказались близки религиозные мотивы в творчестве В. Жуковского. Не упускает критик возможности еще раз заявить о своем сочувствии «здравому мирозерцанию», которое он обнаруживает в поэзии В. Жуковского: «Отраднo встретить в произведениях г. Жуковского трезвое и здоровое мирозерцание, полное жизнерадостности и чуждое напускной тоски, беспричинного нытья и мрачного ломанья, к которым так склонны некоторые современные писатели и стихотворцы. Г. Жуковский не приходит в отчаяние при мысли о смерти, не льет безутешных и, во всяком случае, бесцельных слез при виде пожелтевшего листа или увядшего цветка и не повергается в глубокое уныние, припоминая неизбежно минувшие годы» (Там же. С. 66).

Рукопись В. Жуковского, о которой идет речь в данном письме, остается неизвестной, равно как и рецензия К. Р. на нее (в РО ИРЛИ отсутствует).

² *Дрожжин Спиридон Дмитриевич* (1848—1930) — поэт-самоучка; из семьи крепостного. Публиковался с 1873 г. Большой популярностью пользовалась его автобиография «Поэт-крестьянин С. Дрожжин в его воспоминаниях», опубликованная первоначально в журнале «Русская старина» (1884) и неоднократно переизданная со значительными дополнениями и изменениями. В конце XIX—начале XX вв. было опубликовано около десятка сборников его стихов. См.: *Иванова Л. Н.* Дрожжин Спиридон Дмитриевич // *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 186—187.

Отзыв К. Р., написанный 30 июня 1910 г., был посвящен сборникам С. Д. Дрожжина: Стихотворения. 1866—1888. 3-е изд. М., 1907; Заветные песни. Стихотворения 1904—1906. М., 1907; Новые русские песни. М., 1909; Баян. М., 1909. Опубликовано: К. Р. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина. СПб., 1912; перепечатано: К. Р. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина // *Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук.* V. Отчеты за 1910 год. Пг., 1915. С. 167—195; Критические отзывы. С. 324—354. В 1910 г. С. Д. Дрожжину была присуждена премия имени М. Н. Ахматова. Как следует из отчета, инициатором выдвижения стихотворений С. Д. Дрожжина на премию был сам К. Р. (см.: *Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук.* С. 113).

Поэт-самоучка, крестьянин С. Д. Дрожжин не мог не импонировать К. Р., который остро осознал свой долг перед народом. Критик отнесся к творчеству С. Д. Дрожжина в высшей степени доброжелательно и достаточно высоко оценил его произведения: «Они искренни и чистосердечны» (Критические отзывы. С. 340). В этом отзыве еще раз звучит очень важный для К. Р. критерий положительной оценки творчества любого поэта: «Жизнерадостное настроение в авторе, о бесчисленных невзгодах которого мы <...> знаем, производит в высшей степени отрадное, светлое впечатление; эта бодрость духа должна бы многим воображающим себя поэтами, но умеющим только ныть без всякого на то права, послужить высоким примером для подражания» (Там же. С. 341). К. Р. ценит в поэзии С. Д. Дрожжина «добрые, светлые» мысли, его стремление поддержать и утешить ближнего. Ходатайствуя о присуждении С. Д. Дрожжину одной из премий Отделения русского языка и словесности, К. Р. заключал свой отзыв следующими словами: «Самобытный, своеобразный, неподпадающий под чужие влияния, не заражающийся модными течениями, не увлекающийся подражанием современному декадентству, автор почти неизменно остается верен себе и поет от души, просто, искренно и часто взволновано.

Мне скажут может быть, что многие его вещи навеяны Кольцовым и Никитиным. Я отвечаю на это, что оба названные поэта подражали народной песне, или вернее, воспринимали ее. Итак, она, а не они прообраз его подражаний или восприниманий.

Нельзя не признать за г. Дрожжиным весьма почтенной заслуги перед нашей литературой» (Там же. С. 353).

³ Присуждение Пушкинских премий происходило раз в два года. В 1911 г. должно было состояться Десятнадцатое присуждение. К. Р. к этому присуждению рецензировал следующие поэтические сборники: *Гальковский Н.* Стихотворения (Лебедин, 1909); *Желчужников М.* Стихотворения (СПб., 1909); *Трубецкая М.* По дороге. Стихотворения (Полтава, 1909). См.: Императорская Академия Наук. Отделение русского языка и словесности. Разряд изящной словесности. [Протоколы. СПб., 1912] (протокол заседания от 21 марта 1911 г.). О названных авторах см. прим. 1—3 к письму 20.

⁴ Имеется в виду следующее издание: *Эредиа Хосе Мария.* Сонеты / В пер. В. Жуковского. СПб., 1899. Оригинал: *Les Trophées par José-Maria de Heredia.* Paris, 1893. Сонеты Эредиа (1842—1905), выходя из испано-кубинской семьи, получившего образование во Франции и натурализовавшегося там, последователя парнасской школы французской поэзии, были очень популярны в России в конце XIX—начале XX вв. К. Р. в отзыве на творчество В. Жуковского, о котором говорилось в прим. 1, достаточно высоко оценил сделанные им переводы из Эредиа: «Насколько сборник стихотворений г. Жуковского не заслуживает, по нашему мнению, ни полной, ни даже половинной Пушкинской премии, ни просто почетного отзыва, настолько сонеты стоят того, чтобы Отделение русского языка и словесности обратило на них благосклонное внимание» (Критические отзывы. С. 95). В. Жуковскому за переводы сонетов Эредиа был присужден почетный отзыв (см.: Семнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1907 года: Отчет и рецензии. СПб., 1908).

В литературных кругах переводы В. Жуковского вызвали самые противоречивые отклики. Анонимный рецензент журнала «Мир Божий» отказывал переводчику в мас-

терстве, упрекая его в «поэтическом бессилии» (Мир Божий. 1899. № 7, отд. 2. С. 79). Говоря о тех сонетах Эредиа, которые В. Жуковский перевел с соблюдением формы этого жанра (часть сонетов переведена без соблюдения данной формы), рецензент отмечал: «Почти всюду, где он пытается написать сонет, не только не выигрывает Эредиа, но исчезает и сама поэзия» (Там же. С. 78). В. Буренин, напротив, назвал В. Жуковского «истинным поэтом»: «Если бы меня спросили, кого из наших молодых стихотворцев, выступивших в 90-х годах, я признаю за наиболее выдающегося, наиболее достойного титула поэта — я бы не обинуясь назвал г. Жуковского» (*Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1899. 16 апр.*). Современные исследователи переводам В. Жуковского дают довольно жесткую оценку: «В переводах Жуковского отточенные сонеты теряли немало энергии и чеканности, становились описательными, иногда выпренными, искусственность элегических интонаций подчеркивалась обилием многозначительных многоточий. А главное, язык их был языком привычных поэтических клише» (*Эредиа Жозе Мариа де. Сонеты: В переводах русских поэтов / Сост., подгот. текста, послесл. и прим. Б. Романова. М., 1994. С. 270*).

8

11 (24) февраля 1911 г. Петербург

11 февраля 1911.
Мраморный.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

ваше предложение доставить не позже 1 марта рецензию на сочинение М. Жемчужникова «Стихотворения» (1909)¹ меня смутило, так как я не знал или забыл, что она мне поручена, а самой книги у меня нет. Впрочем, поищу в Павловске. Не сохранилось ли у вас отпуска с поручения мне означенной рецензии?

Искренно ваш
Константин.

¹ Жемчужников Михаил — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева учтено только три журнальные публикации М. Жемчужникова; отклики на его произведения не зафиксированы.

К. Р. давал отзыв на сборник М. Жемчужникова «Стихотворения» (СПб., 1909) на заседании Разряда изящной словесности 21 марта 1911 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 386—393. Оценка критика в высшей степени отрицательная. Перечислив многочисленные погрешности в области рифмы и поэтического языка, К. Р. заключал: «Но главным недостатком стихов разбираемой книги нужно признать недостаток поэзии. Ее отсутствие налагает на всю книгу печать бесцветности, пресноты и отсюда — скуки» (Критические отзывы. С. 393).

9

13 (26) сентября 1912 г. Павловск

Павловск.
13 сентября 1912.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

извиняюсь, что нездоровье, вынудившее меня провести два дня в кровати и еще не совсем прошедшее, задержало ответ на ваше письмо.

Я с большим удовольствием постараюсь быть полезным Саратовской ученой комиссии и вполне согласен с вашим предложением.¹ Будьте добры распорядиться изготовлением рескриптов кому следует.

Посылаю порученные мне 3 рецензии: одну положительную («Сонеты» Ротштейна)² и две отрицательные («Огни и отражения» Хвостова³ и «Сказка любви» Андрусона⁴). Прилагаю еще рукопись последнего своего произведения⁵ в надежде, что вы не откажетесь его пробежать и написать мне ваше о нем мнение. По миновении надобности очень прошу возвратить рукопись.

Искренно ваш.

Константин.

¹ Данное письмо К. Р. является ответом на письмо А. А. Шахматова от 8 сентября 1912 г., в котором тот сообщал: «На днях я был в Саратове и осматривал местную ученую архивную комиссию <...> В экстренном заседании, в котором я присутствовал, обсуждались неотложные нужды комиссии. Новое помещение ее вызывает значительные расходы; нужны деньги для печатания трудов и исследований, в особенности описаний коллекций и архива; необходимо, хотя бы и незначительное вознаграждение для постоянных работников; неизбежно расширение помещения архива, часть которого хранится в деревянном сарае. Между тем, средства комиссии ничтожны: членские взносы поступают неаккуратно; единственной доходной статьей являются суммы, крайне ничтожные, ассигнуемые земством <...> Правление комиссии решило обратиться к Вашему императорскому Высочеству с просьбой поддержать его ходатайство об отпуске некоторой ежегодной субсидии из казны на нужды комиссии. Я беру на себя смелость просить Вас, разрешите ли Вы комиссии представить соответствующее ходатайство через Вас как своего Августейшего покровителя» (см.: *Соболев В. С. Августейший президент. СПб., 1993. С. 149—150*).

² *Ротштейн Александр* — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева учтен ряд его журнальных публикаций; отклики не зафиксированы.

К. Р. давал отзыв на сборник Ротштейна «Сонеты» (СПб., 1910); рецензия помечена 6 июля 1912 г. Опубликовано: К. Р. Разбор сочинения А. Ротштейна «Сонеты». Пг., 1914; перепечатано: Критические отзывы. С. 397—419.

Без сомнения, К. Р. в отзыве на сонеты А. Ротштейна был пристрастен: автор стихов был бывшим офицером Измайловского полка, в котором великий князь с 1884 по 1891 г. командовал ротой. Подкупило в Ротштейне критика и то, что тот обратился к любимой Константином Константиновичем форме сонета. Отмечает К. Р. в поэзии Ротштейна и печать «человека с разносторонним образованием, знакомого с литературой и искусством Запада, умеющего ценить великих поэтов и художников» (Критические отзывы. С. 406). Особо останавливается рецензент на шекспировских и гетевских мотивах в сонетах автора. Заканчивается отзыв К. Р. ходатайством о присуждении Ротштейну почетного отзыва.

Однако рецензия К. Р. одновременно и строга. Критик упрекает поэта в манерности: «Нашему автору надо бы пожелать побольше простоты и поменьше „жеманных манер“» (Там же. С. 399). Весьма характерен следующий пассаж, свидетельствующий о неприятии Константином Константиновичем тенденций, связанных с символистским искусством: «Не могу похвалить г. Ротштейна за подражание г. Бальмонту в измышлении слов, хотя и правильных грамматически, но не существующих на нашем языке, как: *вечерность, напевность, песчаность, вздыблиность*» (Там же. С. 400).

В противоположность К. Р., Н. Гумилев не находит в сонетах А. Ротштейна никаких достоинств: «Суровый сонетист не писал бы сонетов анаapestом или только мужскими рифмами, не рифмовал бы подряд четыре прилагательных или три деипричастия, не повторял бы два раза одну и ту же строчку... А смелый новатор нашел бы нужные слова вместо клише дешевого эстетизма, к которому сводятся все мысли и образы в книге Александра Ротштейна» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 8. С. 61*).

³ *Хвостов Николай Борисович* (1849—?) — поэт. Родился в Петербурге в семье сенатора. Образование получил в Училище правоведения (1862—1870). Служил по ведомству Министерства юстиции. Стихи писал еще в Училище, но публиковаться начал лишь в 1875 г. Автор сборников «Собрание стихотворений» (1900. Т. 1—2), «Под осень» (1905), «Огни и отражения» (1912) (см.: Автобиография, присланная в 1913 г. С. А. Венгеру — ф. 377, оп. 7, № 3750). Журнальные публикации Н. Б. Хвостова и отклики на его произведения см. в картотеке А. Д. Алексеева.

В первый раз в качестве рецензента произведений Н. Б. Хвостова К. Р. выступал в 1907 г., когда он давал отзыв на сборник поэта «Под осень. Стихотворения 1901—1904 гг.» (СПб., 1905). Тогда, отметив ряд существенных погрешностей против поэтического искусства и в целом дав весьма сдержанную оценку творчества Н. Б. Хвостова, критик тем не менее считал возможным просить Разряд изящной словесности удостоить автора почетного отзыва, каковой и был ему присужден. Отзыв К. Р. 1907 г. опубликован: Семнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1907 года: Отчеты и рецензии. СПб., 1908. С. 164—179 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 84, № 5); перепечатано: К. Р. Отзыв о стихотворениях Н. Б. Хвостова. СПб., 1908; Критические отзывы. С. 161—176. Весьма характерны критерии, согласно которым К. Р. считает возможным дать произведениям Н. Б. Хвостова положительную оценку. Все они связаны с неприятием Константином Константиновичем декадентского искусства: «Одним из главных достоинств сборника г. Хвостова следует признать всякое в нем отсутствие подражания модному направлению стихотворства, которое в поисках новых путей переступает грани, поставленные здравым смыслом, и стремится огорошить читателя всевозможными вычурностями и несообразностями. Ничего подобного не найти у г. Хвостова. Миросозерцание его вполне трезвое, ясное и спокойное. У него нет склонности развенчивать старые, вечные идеалы или возводить в добродетель то, что донею признавалось злом <...> Наш писатель смотрит на жизнь не уныло, без ненависти, как водится у многих современных псевдопоэтов, а весело, здраво, с надеждой» (Критические отзывы. С. 164, 166).

Второй отзыв К. Р. на стихи Н. Б. Хвостова — на сборник «Огни и отражения: Четвертая книга стихов. 1905—1911» (СПб., 1912) — был представлен на заседании Разряда изящной словесности 12 марта 1913 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 420—424. На этот раз рецензия была отрицательной.

Творчество Н. Б. Хвостова привлекало внимание и журнальных кругов. Сборник «Под осень» был замечен критиком S.v.S., который, давая положительную оценку поэзии Н. Б. Хвостова, точно так же, как и К. Р., противопоставил его творчество декадентскому направлению в искусстве: «Цветущую осень своих вдохновенных переживает г. Хвостов и нам грустно, что имя его, как поэта, незаслуженно мало известно нашей читающей публике, тогда как произведения современных литературных „сверхчеловеков“ пользуются шумным успехом скандала» (см.: S.v.S. [Рец.] // Живописное обозрение. 1905. № 4. С. 100). Другой критик, А. Фаресов, в противоположность К. Р., достаточно высоко оценивает и его сборник «Огни и отражения» (см.: Фаресов А. [Рец.] // Исторический вестник. 1912. № 5. С. 660).

⁴ *Андрусон Леонид Иванович* (1875—1930) — поэт, переводчик. Печатался с 1899 г. В 1908 г. вышел в свет первый сборник его стихов и переводов «Сказка любви», на котором лежит отпечаток преклонения Л. И. Андрусона перед Верлем. Для его стихов характерны мотивы одиночества поэта в урбанистическом обществе, эстетизация богемного полунищенского существования. См.: *Рейт-блат А. И. Андрусон Леонид Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*. М., 1989. Т. 1. С. 74—75.

К. Р. представил отзыв на сборник «Сказка любви» на заседании Разряда изящной словесности 12 марта 1913 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 425—433. Рецензия была отрицательной. Критик не принял экспериментаторских исканий поэта в области стихотворных размеров. Смелое сочетание в одном стихотворении амфибрахия, дактиля, анапеста К. Р. воспринял как «полный беспорядок в применении разнообразных размеров» (Критические отзывы. С. 426). Резкую отповедь вызвали у критика и стихи «Каменщик», «Ткачи», «Песня швей», «Узники», с их открыто демократической позицией. Не поверив в искренность сочувствия Л. Андрусона трудовому народу, К. Р. писал: «Подумаешь, какой выискался печальник страждущего человечества, с его цепями, машинами, трудом, с морем слез и позором земли!» (Там же. С. 431).

Совершенно иначе творчество Л. И. Андрусона было воспринято другими кругами. Н. Я. Абрамович свою рецензию на сборник «Сказка любви» начинал следующими

словами: «Эта книжка, несмотря на бедность мотивов и красок, побеждает. Искренность ее так велика, что здесь как-то не рискнешь завести речь о приемах профессионального мастерства. Ну, да — Андрусон не мастер. Но захватывает не только тот, кто победоносно владеет стилем и образом. Охваченный своим душевным трепетом, человек вплотную подходит к вашему лицу и завладевает вами не только своим словом, но болью и страстью, вложенной в слово» (*Абрамович Н. Я. [Рец.] // Образование. 1908. № 1, отд. 3. С. 139*). Раскритикованные Константином Константиновичем стихи, посвященные трудовому люду, у Н. Я. Абрамовича вызвали сочувствие: «Мне нравятся <...> сжатостью и сосредоточенностью „Каменщик“ и „В городе“. Мотив „Швей“ многие найдут банальным, но никто не откажет поэту в праве откликаться на то, что режет его впечатлительность, лишь бы звучала правда впечатления» (Там же. С. 140). Вторит Н. Я. Абрамовичу и Е. Тарасов (см.: *Тарасов Е. [Рец.] // Современный мир. 1908. № 2, отд. 2. С. 99—100*).

⁵ Судя по следующему письму, К. Р. послал А. А. Шахматову для ознакомления свою драму «Царь Иудейский».

10

17 (30) сентября 1912 г. Павловск

Павловск. 17.9.12.

Душевно благодарю вас за лестный отзыв о моем труде и за ценные замечания, особенно за глашатая. Не подумав, я допустил непростительную ошибку. Не правда ли глашатай склоняется: ая, ому, ая, аем, а не ого, ому, ого, ым, ом?

За Иоанну заступлюсь: близко принимая к сердцу судьбу Леи и Александра и встречая отца последнего, Симона, она не может не поделиться с ним радостною вестью об освобождении его сына из рабства.

«Мир» звезд я заменяю словом «сонм».¹

«Не минул день» я вам не уступлю.

Соглашаясь с вами, указанную вами неловкость исправлю так:

Лишь этих двух примет не доставало
Для исполнения вещей прорицаний,
Что (вместо И) ныне все сошлись на Иисусе.²

О «жеребенке», заменившем «молодого осла» у прор<ока> Захари, подумаю.

Сердечно вам благодарный
Константин.

¹ Данное изменение было реализовано в опубликованном тексте: «Напоминают в небесах <...> Их светлый сонм непостижим и чужд» (см.: К. Р. Царь Иудейский. СПб., 1914. С. 25; монолог Иосифа).

² В публикации:

Лишь этих двух примет не доставало
Для исполнения вещей прорицаний,
И ныне все сошлись на Иисусе
(Там же. С. 171; монолог Никодима).

13 (26) октября 1912 г. Павловск

Павловск.
13 октября 1912.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

посылаю вам письма и стихи Аркадия Семенова,¹ полученные в прошлом году и на этих днях. Мною сделаны на полях отметки, с которыми, быть может, следовало бы ознакомиться. Не послать ли ему подлинную рукопись?

16-го еду в Египет.² Хочется на прощанье хотя мысленно крепко пожать вашу руку.

Константин.

¹ См. прим. 2 к п. 4. Отзыв К. Р. 1912 г. на стихи А. А. Семенова неизвестен.

² Судя по письмам Константина Константиновича к А. Ф. Кони, за границу К. Р. уехал в конце ноября. Его маршрут был следующим: Хелуан — Ассуан — Луксор — Афины — Вильдунген (см. письма от 1/14 декабря 1912 — 13 июня 1913 г.: К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы к публ. подготовлены Э. Матониной. М., 1998. С. 428—435).

23 февраля (8 марта) 1913 г. Ассуан

23 февраля 1913.¹

Милый и сердечно уважаемый Алексей Александрович,

ваше письмо от 30 января дошло до меня 14 февраля. Я запоздал ответом по причинам получения большого числа писем, требовавших немедленного отзыва, и очень извиняюсь, что заставил вас долго ждать. Хорошо понимаю вашу радость после встречи с крестьянином-плотником, в котором вы заметили интерес к языку и тонкую наблюдательность: по личному опыту знаю, как отраднo находить среди простых людей личности, одаренные и недюженные.

Пожалуйста, разузнайте у г. Гурлянда,² каким образом помочь Саратовской Ученой Архивн<ой> Комиссии.

Занимаясь историей, географией, этнографией и археологией Грузинского царства для одной предполагаемой литературной работы, прочел я между прочим: «Культурную роль Иверии в истории России» епископа Кириона.³ В этой книге автор не раз ссылается на вас, что и дает мне повод побеседовать с вами о ней. Хотелось бы узнать, вправе ли автор утверждать, что составитель Повести временных лет находился под несомненным влиянием грузинской летописи Картлис Цховреба? Кирион не дает объяснения, каким образом этот составитель мог узнать по грузински. Многие страницы книги делают неприятное впечатление, напр<имер>, от-

рицание правдивости Пов<ести> врем<енных> лет; разрушение легенды об Иване Сусанине, которая если не ошибаюсь, после Костомарова⁴ в последнее время признана исторической былью; задорный тон, по крайней мере излишний для ученого исследователя, по отношению к академику Марру⁵ и армянским ученым. Так бы хотелось мне познакомиться с вашим мнением об ученой ценности епископа Кириона и его выводов. В одном нельзя не согласиться с ним, что весьма желательно усилить и ускорить изучение архивов грузинских рукописей.

Представил ли на соискание Пушкинской премии свои стихи Ник. Петр. Мезько?⁶ Кому будет поручена рецензия о них? Они изданы с моим предисловием. Покойный гр. Голенищев-Кутузов,⁷ один из наиболее строгих и тонких ценителей поэтических произведений, очень лестно отозвался в письмах ко мне о стихотворениях Мезько, с которыми я ознакомил графа. Не знаю, удобно ли мне, автору предисловия, выступать с разбором. Подумайте об этом. Вот и еще новое пустующее место в Пушкинском разряде!⁸ — Если бы меня спросили, кого избрать на место выбывших, я бы, не задумываясь, назвал после Поликс. Серг. Соловьевой Веру Рудич, три или четыре книжки стихов которой несомненно составляют отрядный вклад в нашу поэтическую литературу.

Крепко жму вашу руку. Сердечно вас любящий

Константин.

¹ Письмо прислано из Египта. Написано на бумаге для писем отеля г. Ассуан «Luxor Winter Palace».

² Гурлянд — лицо неустановленное.

³ Имеется в виду труд епископа Кириона (Г. И. Садзагеллова) «Культурная роль Иверии в истории Руси» (Тифлис, 1910).

⁴ Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк, этнограф, писатель.

⁵ Марр Николай Яковлевич (1864/1865—1934) — востоковед, лингвист; академик (с 1912 г.). Основной вклад внес в области армяно-грузинской филологии. Инициатор создания серии «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии» (1900—1913. Вып. 1—13).

⁶ Мезько Николай Петрович (1881—?) — поэт. Родился в семье педагога в г. Козелец Черниговской губ. В 1907 г. закончил Киевский университет св. Владимира; одновременно был вольнослушателем Киевской духовной академии. В 1905 г. познакомился с К. Р., чье руководство в поэтическом ремесле очень ценил (см.: Автобиография, написанная в 1913 г. для С. А. Венгерова — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2361). Библиографию журнальных публикаций Н. П. Мезько см. в картотеке А. Д. Алексеева; отклики на произведения поэта здесь не зафиксированы. В 1911 г. вышли в свет «Стихотворения», предисловие к которым написано Константином Константиновичем. В письме к А. Ф. Кони от 13 августа 1911 г. К. Р. замечал: «На днях я написал предисловие к „Стихотворениям“ начинающего, впервые печатающегося автора Мезька, за которым признаю истинное поэтическое дарование» (К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. С. 422).

В литературных приложениях к «Ниве» (см.: Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1912. № 3. С. 555) в разделе «Библиография» есть доброжелательный анонс сборника Н. П. Мезько «Стихотворения» (СПб., 1911), вызванный скорее всего фактом наличия предисловия К. Р. в данном издании. Предисловие К. Р. к сборнику Н. П. Мезько перепечатано: Критические отзывы. С. 394—396. Критик очень высоко оценил творчество начинающего поэта, отметив, что его стихотворения «не только певучи, они полны и смысла, и содержательности, и поэзии» (Критические отзывы. С. 395).

⁷ Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт, государственный служащий. С 1889 г. занял пост управляющего Государственным дворянским земель-

ным и Крестьянским поземельным банками; в 1895 г. возглавил личную канцелярию императрицы Марии Федоровны. Печатался с 1869 г. Ориентирами для поэзии А. А. Голенищева-Кутузова служили А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков, А. А. Фет. Прочным был творческий союз поэта с М. П. Мусоргским, который на его стихи написал вокальные циклы «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875—1877) и другие произведения. В 1894 г. А. А. Голенищев-Кутузов получил Пушкинскую премию. В 1900 г., одновременно с К. Р., был избран почетным академиком по Разряду изящной словесности. Ему часто поручали отзывы на поэтические произведения, представленные на Пушкинскую премию. К. Р. высоко ценил дарование А. А. Голенищева-Кутузова и доверял его критическим оценкам.

⁸ Это восклицание связано с полученным Константином Константиновичем известием о кончине почетного академика по Разряду изящной словесности А. А. Голенищева-Кутузова, последовавшей 28 января (10 февраля) 1913 г.

13

26 марта (8 апреля) 1913 г. Афины

Афины.
26 марта 1913.

Милый Алексей Александрович,

во-первых, вас благодарю за сочувствие нашему семейному горю, приведшему меня вместо Сицилии, куда я собрался, в Афины к овдовевшей сестре.¹

Сообщив отзыв о книге епископа Кириона, вы дали мне вдохнуть с облегчением. Слишком было бы обидно заставить себя уверовать в его положения. Но вы признаете его книгу не научною, а его выводы — бредом. В приводимом им перечне русских слов, будто бы заимствованных от грузин, есть, напр<имер>, бутон. Думаю, что это слово перешло к нам от французов без всякого посредства грузинского языка. — Как отрадно слышать от такого ученого, как вы, признание Нестора составителем Повести вр<еменных> лет!

В вашем упоминании о предположении почтить память гр. Голенищева-Кутузова публичным заседанием я с некоторым испугом прочитал, что «В(алерий?) Я. Брюсов² выразил согласие выступить с докладом». Значит, это дело решенное. Опасаюсь, что предложил его, как чтеца, Н. А. Котляревский, снисходительность которого к современным горе-поэтам меня поражает настолько же, насколько высоко я ставлю его оценку наших классических писателей. В писаниях Брюсова есть места, за которые может и должна краснеть не одна Академия. Такого мнения, несомненно, держался и покойный поэт, которого собираются чествовать, и слово о нем, произнесенное В. Брюсовым, представляется мне злою насмешкой, а след<овательно> будет весьма и весьма неуместно, чтобы не сказать неприлично. — Еще при жизни графа меня подмывало написать статью о последнем выпуске его стихотворений,³ который остался незамеченным. Но это намерение, подобно другим, а ими как известно, вымощен ад, осталось невыполненным. — Посоветуйте: не приняться ли мне за оценку графа Голенищева-Кутузова и его

творчества? Если да, я попросил бы вас вооружить меня биографическими и библиографическими сведениями о покойном. Выступить публично с речью я не могу, не обладая красноречием, но мог бы прочесть свой доклад, конечно, только в том случае, если заседание состоится не ранее осени.⁴

Прошу вас разрешить мое недоумение по поводу одного слова в недавно написанном мною след<ующем> стихотворении:

ЗАКАТ НАД НИЛОМ5

Солнце село. Но ночная
Тьма не сразу наступает,
Чтоб закат успел, пылая,
Отразиться в глади вод;

Чтобы небо на прощанье
Рдело сказочной красой,
И волшебное сиянье
Разгоралось над землей.

Словно радужным виденьем
Мир земной заморожен.
Как топазовым цветеньем
Млеет желтый небосклон.

В дымке розово-лиловой
Тает запад золотой
И малиново-багровой
Заливается зарей.

Мои сомнения вызывает прилагательное топазовый. Правильно ли оно? Ухо подсказывает, что правильно. Но в памяти возникают слова: алмаз, раз, производными которых будут: алмазный, разный. Быть может вернее было бы: топазный. Придите, пожалуйста, мне на помощь. Адрес мой до 10 апреля: Grèce, Athenes, Grand Duc Constantin.

Сердечно вас уважающий

Константин.

¹ Сестра вел. кн. Константина Константиновича Ольга (1851—1926) была замужем за королем Греции Георгием (1845—1913). Овдовела 18 марта (по н. ст.) 1913 г.

² Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед. С начала 1890-х гг. один из идеологов символизма — литературного направления. чуждого К. Р. Константин Константинович не принимал эротических мотивов в поэзии В. Я. Брюсова.

³ Имеется в виду издание: *Голенищев-Кутузов А. А.* На закате. СПб., 1912.

⁴ 27 октября 1913 г. на публичном заседании Разряда изящной словесности К. Р. произнес речь «Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова». Опубликовано: Изв. отд-ния рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 1—15; перепечатано: *К. Р. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова.* СПб., 1913; Критические отзывы. С. 434—448. В своей речи К. Р. вступил в полемику с В. С. Соловьевым. Возражение у Константина Константиновича вызвал следующий тезис В. С. Соловьева: «У Пушкина тон бодрый, радостный и уверенный; при самых языческих, мирских и даже греховных сюжетах настроение его все-таки христианское, — это поэзия жизни и воскресения. У гр. Кутузова, напротив, тон минорный, настроение безнадежное; он —

поэт смерти и Нирваны, хотя это последнее столь ныне злоупотребляемое слово и не встречается в его стихах» (см.: *Соловьев В. С.* Буддийское настроение в поэзии // *Вестник Европы.* 1894. № 5. С. 330). К. Р. совсем иначе воспринимал поэзию А. А. Голенищева-Кутузова: «...его религия есть именно религия воскресения, а не смерти» (Критические отзывы. С. 441). В противоположность В. С. Соловьеву, слышавшему в стихах А. А. Голенищева-Кутузова «минорный тон», К. Р. чувствовал в его поэзии «тон мажорный и настроение, чуждое всякой безнадежности» (Там же. С. 442).

Любопытно, что К. Р. и В. Я. Брюсов, столь несхожие в своих литературных вкусах и убеждениях, во взглядах на творчество А. А. Голенищева-Кутузова сошлись. В. Я. Брюсов, высоко ценивший поэтическое мастерство А. А. Голенищева-Кутузова, как и Константин Константинович, полемизирует с В. С. Соловьевым: «И вся поэзия Голенищева-Кутузова, в ее целом, говорит нам, что поэт вовсе не отрицал мира, что он любил красоту земли и жизни» (*Брюсов В.* Граф А. А. Голенищев-Кутузов (28 января 1913 г.) // *Русская мысль.* 1913. № 2, отд. 2. С. 150).

⁵ Стихотворение опубликовано без изменений с посвящением Р. Ю. Минкельде и с датой 14 марта 1913 г.: *К. Р.* В Египте. Стихотворения // *Нива.* 1913. № 36. С. 706.

14

7 (20) мая 1913 г. Альтенбург

Альтенбург.¹
7 мая 1913.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

ваше письмо от 14 апреля застало меня в Венеции 28-го, а список биографических и библиографических указаний, относящихся к графу А. А. Голенищеву-Кутузову, я получил 3 мая в Людвигсбурге. И за то, и за другое очень вас благодарю. Уже выписал по списку наиболее мне пригодное.

Меня окончательно успокоило ваше сообщение, что предположенное Разрядом заседание с участием Валерия Брюсова встречено сочувственно семьей поэта. И все-таки я невольно отношусь с недоверием к названному писателю, не умея понять, как одна и та же почва может приносить и крапиву, и пшеницу. Что некоторые из произведений Брюсова могут быть несомненно уподоблены крапиве, известно всем.

От покровительствуемого мною Н. П. Мезько я получил известие, что его стихотворения не увенчаны Пушкинской наградой. Очень вас прошу, не признаете ли вы возможным доставить мне отзыв рецензента, высказавшегося об этих стихотворениях. По возвращении в Россию я мог бы сообщить вам письмо покойного графа Арсения Аркадьевича, в котором он с большою похвалой отнесся к стихам г. Мезько. — Мой адрес до первых чисел июня: Bad-Wildungen.

Искренно вас любящий
Константин.

¹ Альтенбург — столица Саксен-Альтенбургского княжества, правителями которого были родители жены Константина Константиновича великой княгини Елизаветы Маврикиевны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской.

5 (18) ноября 1913 г. Петербург

5 ноября 1913.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

что скажете вы по поводу прилагаемого письма Э. Л. Радлова,¹ которое прошу мне возвратить?

С моей стороны препятствий к исполнению желания Радлова не встретится. Дело за вами. Если и вы будете согласны на помещение моего доклада о гр. Голенищеве-Кутузове также в «Журнале министерства народного просвещения»,² то не будете ли вы добры послать копию с моего доклада в редакцию упомянутого журнала, так как у меня нет другого списка.

Искренно ваш
Константин.

¹ Радлов Эрнест Львович — редактор «Журнала министерства народного просвещения».

² См.: К. Р. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова // Журн. м-ва нар. просвещения. 1914. № 1, отд. 3. С. 1—11.

27 декабря 1913 г. (9 января 1914 г.). Павловск

Павловск.
27 декабря 1913.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович,

желая включить в 3-ий том¹ печатаемых моих сочинений написанное прозой, очень просил бы вас, чтобы мне сообщили заглавия тех моих статей, кои помещались в Известиях русск<ого языка> и словесности, начиная с 1905 года.² Был бы очень благодарен за доставление мне на время тех статей, которые в печати не появлялись. Надеюсь, что просьба эта не слишком нескромна и исполнима без особого затруднения.

Искренно ваш
Константин.

¹ Вероятно, первоначально в свое трехтомное издание «Стихотворения» (СПб., 1913—1915. Т. 1—3) К. Р. хотел включить и написанные им в разные годы критические отзывы. В дальнейшем рецензии составили отдельное издание: К. Р. Критические отзывы. Пг., 1915.

² Под «Известиями русского языка и словесности» Константин Константинович, по-видимому, разумеет не журнал «Известия Отделения русского языка и словесности», а все издания ОРЯС, в которых когда-либо печатались его труды.

29 декабря 1913 г. (11 января 1914 г.) Павловск

Павловск.
29 декабря 1913.

Милый Алексей Александрович,

очень вас благодарю за столь быстрое исполнение моей просьбы.

В списке напечатанных Академией моих трудов пропущены следующие:

1. В. Рудич. Стихотворения (Отдельный оттиск из Сборника Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук т. LXXXIX).¹

2. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина (оттиск из Сборника отчетов о премиях и наградах за 1910 г. (Премия имени М. Н. Ахматова))² и наконец

3. Только что полученный мною оттиск моего доклада: Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова (Отдельный оттиск из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, т. XVIII (1913 г.), кн. 4).³

В виду этого пропуска, быть может, найдутся и еще какие-нибудь статьи или рецензии; если бы таковые оказались, будьте добры распорядиться, чтобы мне доставили их заглавия.

Сердечно ваш
Константин.

¹ См. прим. 2 к п. 5.

² См. прим. 2 к п. 7.

³ См. прим. 4 к п. 13.

29 июля (11 августа) 1914 г. Павловск

Павловск.
29 июля 1914.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

получив ваше письмо от 21 июля, я немедленно послал его генерал-адъютанту Сухомлинову,¹ запросив, как взглянет он с точки зрения Военного министра на предполагаемую вами опасность, грозящую некоторым нашим архивам и древлехранилищам.² С ответом министра я согласен и полагаю, что перевезение ценных собраний в места, удаленные от границы, представило бы тогда опасность в смысле утраты кое-чего, порчи и пр.

Душевно сочувствую благородному порыву, побуждающему вас просить меня вызвать вас, если нужно, в Петербург, но думаю, что вам переезжать и лишать себя отдыха пока бесполезно.³

Искренно ваш
Константин.

¹ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848—1926) — русский военный деятель, военный министр (с марта 1909 г.). После военных неудач 1915 г. под давлением общественного мнения в июне был снят с должности, а в марте 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене (в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения). Суд состоялся в августе-сентябре 1917 г. Обвинения в измене не подтвердились, но Сухомлинов был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне. Приговорен к каторге. Освобожден по амнистии. В 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию.

² Письмо К. Р. является ответом на беспокойство о судьбе архивохранилищ, высказанное А. А. Шахматовым в связи с объявлением Германией войны России. В частности, А. А. Шахматов писал: «Не признаете ли Вы, Ваше Императорское Высочество, необходимым испросить Высочайшее повеление о переводе в безопасные места между прочим следующих книжных и рукописных собраний:

1. Почаевского монастырского архива и библиотеки.
2. Волынского епархиального древлехранилища в Житомире.
3. Архива и библиотеки Луцкого католического собора.
4. Музея Свято-Богородицкого Холмского братства.
5. Соборного Свято-Симеоновского архива в Бресте.

Сильно должна тревожить судьба наших книгоохранилищ в С.-Петербурге и Вильне» (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 159). Как показал ход военных событий, обеспокоенность А. А. Шахматова была обоснованной.

³ Объявление войны застало А. А. Шахматова на отдыхе в Саратовской губ. В письме от 21 июля 1914 г. к вел. кн. Константину Константиновичу он высказал готовность по первому требованию президента Академии Наук выехать в Петербург.

19

2 (15) августа 1914 г. Павловск

Павловск.
2 августа 1914.

Милый Алексей Александрович,

вчера меня оч^{чень} обрадовали и тронули ваши добрые строки. Сердечно вас благодарю за сочувствие.

Только что проводили пятого уже сына¹ в действующую армию.

П. В. Никитина² и академика Перетца³ война застигла за границей. Отсюда стараются помочь им и облегчить возвращение на родину. Немцы изумляют мир своим варварством. Я лично был поражен их грубостью, но чем далее, тем более разгорались их страсти и грубость превратилась в зверскую жестокость.⁴

Ужасную, но в то же время и великую годину переживаем мы. Не суждено ли нам увидеть объединение славянства? Не будем ли свидетелями распада Австрии? Полагаю, что вас порадовало обращение Верховного Главнокомандующего⁵ к полякам.

Искренно ваш
Константин.

¹ У великого князя Константина Константиновича и его жены Елизаветы Маркиевны, принцессы Саксен-Альтенбургской, было шесть сыновей и трое дочерей. На фронтах Первой мировой войны воевали: Иоанн (1886—1918; погиб в Алапаевской шахте); Гавриил (1887—1939; автор воспоминаний: Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.: Дюссельдорф, 1993); Константин (1890—1918; погиб в Алапаевске); Олег (1892—1914; погиб на фронте); Игорь (1894—1918; погиб в Алапаевске). В дневнике Константина Константиновича есть следующая запись: «Суббота, 2 августа. Вечером простились с Костей, последним из пятерых сыновей, отправившихся на войну. Он отбыл на другой день» (К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники... С. 346). О пребывании Константиновичей на фронте, смерти от ранения Олега и гибели князя Константина Багратиона, мужа Татьяны Константиновны (1890—1970), см.: *Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце. С. 163—199.

² *Никитин Петр Васильевич* (1849—1916) — филолог-классик, археолог; академик (с 1898 г.), вице-президент Академии Наук (с 1900 г.).

³ *Перетц Владимир Николаевич* (1870—1935) — историк литературы; академик (с 8 февраля 1914 г.).

⁴ Война застала за границей и самого К. Р. с женой. В дневнике Константина Константиновича есть следующая запись о переходе им русско-германского фронта: «Понедельник. 21 июля. К 5-ти утра все были на ногах... Наш вагон прицепили к паровозу и повезли на следующую станцию Сталупяны, отстоящую от нашей границы в 10 верстах. Тут мы вышли из вагона. Миллер более чем учтиво предупредил нас не выглядывать из окон автомобилей, чтобы нас не застрелили. Все мы, я с женой и двумя детьми ... с ручным багажом тронулись на станцию; впереди, с боков и сзади шли солдаты с ружьями, бывшие тут немцы смотрели на нас враждебно. Было приготовлено три мотора. На козлы переднего, где поместились мы с женой и детьми, сел обер-лейтенант с пропуском в руках. Дорогой остановил нас сторожевой пост, но не задержал. Далее, когда мы проехали с 1/4 часа от станции, один поселянин закричал обер-лейтенанту, что близко русские разъезды. Остановились. Миллер не слишком вежливо приказал выходить из автомобиля и объявил, что дальше не поедет (хотя автомобиль был под белым флагом). Более двух часов пробыли мы здесь посреди большой дороги и за это время никаких разъездов, не только что войск, не показалось <...> Вот вдали, в стороне Эйткунена, показались отдельные всадники. Нельзя еще было разобрать, немцы это или русские. Но вот всадники приблизились; трое из них проехали мимо нас по дороге к Сталупянам. Мы в них узнали Смоленских улан... С особо восторженным чувством перекрестился я на пограничном мосту <...>» (К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники... С. 342—343).

В воспоминаниях великого князя Гавриила Константиновича, сына К. Р., этот эпизод из жизни Константина Константиновича раскрывается более подробно: «Наконец, слава Богу, мои родители благополучно приехали из Германии, где застала их война. Отец перед самой войной был в Бад-Вильдунген, где лечил почки, а матушка с братом Георгием и сестрой Верой — сперва в Бюкебурге, у своей старшей сестры, а затем у своей матери. Отец сперва не хотел верить в возможность войны и не уехал вовремя, а потом был вынужден срочно выехать на автомобиле, который ему предоставил светлейший князь Ливен. Отец затем где-то встретился с матушкой и они выехали в Россию. Но в это время была объявлена война.

Поезд, в котором находились мои родители, остановили недалеко от русско-немецкой границы и поставили возле него часовых. Чуть ли не в коридоре вагона родителей стоял немецкий часовой, причем двери купе приказано было не закрывать. Таким образом родители провели ночь. На следующий день их всех посадили на автомобили с опущенными занавесками и перевезли через границу. Их предупредили, что если они будут высовываться, то в них будут стрелять. По дороге, уже в России, их высадили из автомобилей и предоставили дальше идти пешком. Должно быть, немцы считали, что им самим ехать дальше небезопасно.

И так, пешком, мои родители, брат Георгий одиннадцати лет, сестра Вера восьми лет, фрейлина матушки бар^{он}есса С. Н. Корф, кн^{язь} Шаховской, воспитатель Георгия француз Бальи-Конт, Верина англичанка и прислуга пошли по шоссе на восток <...> Бедные родители и все бывшие с ними шли пешком, пока не встретились с разъездом уланского Смоленского полка. Начальник разъезда штаб-ротмистр Бычко узнал моего отца и помог всем добраться до ближайшей станции железной дороги. Родители затем уже благополучно прибыли в Павловск» (*Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце. С. 158—159).

⁵ Верховным Главнокомандующим русской армии в начале Первой мировой войны был вел. кн. Николай Николаевич (Младший) (1856—1929).

20

25 октября (7 ноября) 1914 г. Павловск

Павловск.
25 октября 1914.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

задумав напечатать сборник различных моих статей, очень вас прошу, если только это не противоречит установившимся обычаям, прислать мне на пересмотр следующие мои отзывы и рецензии, не появлявшиеся в печати: упоянутые в протоколе заседания Разряда изящ<ной> словесности 21 марта 1911 г. мои отзывы о стихотворениях Н. Гальковского,¹ Мих. Жемчужникова² и кн. М. Трубецкой,³ а также значащуюся в протоколе 12 марта 1913 г. мою рецензию о «Сказке любви» Л. И. Андрусона.⁴

Охотно заступлюсь за доктора Гальма.⁵ Во исполнение этого намерения предоставляю на ваш выбор подписание мною обращения к М<инистр>у Вн<утренних> Дел⁶ или личные ваши с ним переговоры. Думаю, что добьемся успеха, ибо подбные же мои ходатайства достигали цели.

Относительно пленного Музатоли прошу вас заготовить мне на подпись письмо к Военному м<инистр>у⁷ с просьбою водворить итальянца в Одессе в виду ее более мягкого климата.

Искренно ваш
Константин.

¹ Гальковский Николай Михайлович (1868—?) — историк, славист, этнограф, поэт. Родился в семье священника в Ельнинском у. Смоленской губ.; закончил Московскую духовную академию (1895). Печататься начал в газете «Смоленский вестник» и в «Смоленских епархиальных ведомостях» с 1888 г., еще учась в духовной семинарии. Служил учителем, инспектором, директором гимназии в разных городах Харьковской губ. Опубликовал в «Филологических записках» ряд статей о сербской народной словесности. Автор книг «Сербский народный эпос / Вступ. статья и пер. Н. Гальковского» (Сумы, 1897); «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (Харьков; М., 1913—1916. Т. 1—2). О Н. М. Гальковском см.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 114—115; Автобиография, составленная им в 1913 г. для С. А. Венгерова — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 994.

В картотеке А. Д. Алексеева учтена всего одна журнальная публикация Н. М. Гальковского; отклики на его стихотворные произведения не зафиксированы. Отзыв К. Р. на сборник Н. Гальковского «Стихотворения» (Лебедин, 1909) был написан в июле 1910 г. и заслушан на заседании Разряда изящной словесности 12 марта 1913 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 370—385. Рецензент отнесся к стихам Н. Гальковского весьма критически, упрекая автора в «рисовке», в «избитых, громких словах» (Критические отзывы. С. 375), в изречении с глубокомысленным видом банальных истин и т. д.

² См. прим. 1 к п. 8.

³ Трубецкая Мария Г. — поэтесса. В картотеке А. Д. Алексеева учтен ряд ее журнальных публикаций; отклики на произведения не зафиксированы. Отзыв К. Р.

на сборник М.Трубецкой «По дороге» (Полтава, 1909) прозвучал на заседании Разряда изящной словесности 21 марта 1911 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 355—369.

К. Р. отнесся к поэтическим опытам М.Трубецкой весьма скептически: «Большая часть стихотворений кн. Трубецкой бесцветна, бессодержательна и бледна. Неловких, неуместных в стихах слов и выражений встречается очень много» (Критические отзывы. С. 368).

⁴ См. прим. 4 к п. 9.

⁵ Доктор Гальм — лицо неустановленное. Речь идет, вероятно, о немецком подданном, на которого распространялся ряд мер русского правительства, связанных с пресечением возможных шпионских действий в условиях войны.

⁶ Министром внутренних дел в это время был А. Н. Хвостов.

⁷ Военным министром в это время был Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920).

21

2 (15) ноября 1914 г. Павловск

Многоуважаемый Алексей Александрович,

в 1907 г. на XVII соискание премий Пушкина мною был представлен разбор сочинений М. К. (М. Веселкова-Кильштет): Стихи и пьесы (СПб., 1906).¹ Если моя рукопись сохранилась, не будете ли вы добры прислать мне ее на время.

Искренно ваш
Константин.

Павловск. 2 ноября 1914.

¹ *Веселкова-Кильштет (Кильштедт) Мария Григорьевна* (1861—1931) — поэтесса, прозаик. Публиковалась с 1900 г. См.: Азадовский К. М. Веселкова-Кильштет Мария Григорьевна // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 433—434.

К. Р. 16 сентября 1906 г. написал отзыв о сборнике: М. К. Стихи и пьесы. СПб., 1906. Опубликовано: Критические отзывы. С. 150—160. Рецензия отрицательная. Ср. отзыв Н. Гумилева на сборник М. Г. Веселковой-Кильштет «Песни забытой усадьбы» (СПб., 1911): «...в книге неприятно поражает отсутствие чисто литературных задач, сколько-нибудь интересных художественных приемов. И печать дилетантизма, пусть умного, пусть талантливого, неизгладимо легла на ней» (*Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 1. С. 72).

22

28 февраля (13 марта) 1915 г. Павловск

Павловск.
28 февр. 15.

Милый Алексей Александрович,

завтра истекает срок представления рецензий сочинений, доставленных на соискание Пушкинских премий. Задержанный болезнью, я опоздал. Не будет ли допущена отсрочка, и какой продолжитель-

ности? Со вчерашнего числа мне позволено вставать с кровати на несколько часов в день, но я еще порядочно слаб. Это впрочем мне не мешает работать.

Искренно ваш
Константин.

23

16 (29 марта) 1915 г. Павловск

Павловск.
16 марта 1915.

Милый Алексей Александрович,

на обложке экземпляра присланной на соискание Пушкинских премий книжки стихов Н. В. Сарандинаки «Тени прошлого»¹ есть заметка мелким шрифтом: «Написаны в имп<ераторском> Училище правовередения в 1849—1851».

Подлежат ли стихотворения, написанные более полувека назад соисканию премий? Как бы ни было, они из рук вон плохи и ни в каком случае не могут заслужить одобрительного отзыва.

Вас, вероятно, не менее моего смущают приведенные в «Но<вом> времени» выдержки из словаря тюркских наречий В. В. Радлова.² Если автор статьи, смешавший двух Радловых, — Василия Васильевича и Эрнеста Львовича, — верно привел эти выдержки, что (так! — *Т. И.*) возникает вопрос, как оградить академическое издание от вопиющего искажения правильности нашего родного языка?

Искренно ваш
Константин.

¹ Сарандинаки Николай Васильевич (?—1898) — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева журнальные публикации Н. В. Сарандинаки и отзывы на его произведения не зафиксированы. Рецензия К. Р. на сборник Н. В. Сарандинаки «Тени прошлого. Собрание стихотворений. Написаны в Училище правовередения в 1849—1851» (СПб., 1912), написанная 28 марта 1915 г., была опубликована уже после смерти великого князя, наступившей 2 (15) июня 1915 г. (см.: К. Р. Два критических отзыва. 1. К свету. Соч. А. Ф. Радченко. 2. Тени прошлого. Соч. Н. В. Сарандинаки. Пг., 1915). Отзыв отрицательный: книга, по мнению рецензента, наводит «тоску и зевоту». Указывая на то, что стихотворения написаны еще в 1849—1851 г., когда автор их еще учился в Училище правовередения, К. Р. заметил: «Едва ли он еще жив. Можно думать, что „Тени прошлого“ напечатаны его потомками. В таком случае нельзя не признаться, что они оказали плохую услугу своему предку, предав гласности шалости его юного пера» (Там же. С. 9).

² Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельмович) (1837—1918) — востоковед-тюрколог; академик (с 1884 г.). Родом из Германии; переселился в Россию в 1858 г. Автор фундаментального словаря тюркских языков «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1888—1905. Т. 1—4). В письме К. Р. идет речь о статье: *Изуменный. Поругание государственного языка в русской Академии наук* // Новое время. 1915. 14 марта, № 14011. Статья вызвана антинемецкими настроениями, вспыхнувшими в русском обществе во время Первой мировой войны. Объектом нападок со

стороны прессы стала и Академия Наук, в которой несправедливо видели рассадник немецкого влияния.

24

1 (14) апреля 1915 г. Павловск

Павловск. 1.IV.15.

Дорогой Алексей Александрович,

доктор ни под каким видом не пускает меня в город, считая такую поездку слишком рискованной после перенесенных мною за 3 м<еся>ц<а> болезненных явлений. Я вынужден просить вас взять на себя труд прочесть вместо меня мой отзыв о сочинениях Мазуркевича,¹ который прилагаю. Отзывы о книгах Радченко² и Сарандинаки еще не переписаны; они оба безусловно отрицательные и я надеюсь, что Разряд поверит мне в этом на слово, не выслушавшая многочисленных моих доводов против этих авторов. — Я тоже теряюсь в догадках, когда наступит время Ф. И. Успенскому³ тронуться в путь. О дне отправления десанта нам, конечно, не скажут. — В виду предположенного отправления А. А. Половцова,⁴ не следовало ли бы так или иначе поставить Министра иностранных дел⁵ в известность о достигнутом Академией соглашении с Верх<овным> Главногокомандующим, во избежание могущих возникнуть столкновений. Лучшее бы всего вам побывать у Сазонова и от моего имени по секрету с ним поговорить.

Искренно ваш

Константин.

¹ *Мазуркевич Владимир Александрович* (1871—1942) — поэт, прозаик, драматург. Печатался с 1885 г. См.: *Тахо-Годи Е. А., Равинский Д. К. Мазуркевич Владимир Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1994. Т. 3. С. 452—453.

К. Р. в 1915 г. дал отзыв на следующие сборники В. А. Мазуркевича: Стихотворения. СПб., 1900; Монологи и поэмы. СПб., 1903; Старые боги. СПб., 1913, а также на перевод с венгерского поэмы И. Мадача (1823—1864) «Трагедия человека». Отзыв сохранился в РО ИРЛИ (ф. 137, № 46). Критик, указав на многочисленные погрешности против поэтического мастерства, в целом склонен к положительной оценке творчества В. А. Мазуркевича, впрочем, отказывая тому в звании поэта: «Г. Мазуркевич нигде не пускается в погоню за модным декадентством или футуризмом. Мысль выражена у него ясно, определенно и притом изящным языком. Стихом автор владеет искусно. Нельзя ставить в упрек стихослагателю, что он не поэт, ибо сделаться можно лишь стихослагателем, а не поэтом, которым нужно родиться» (РО ИРЛИ, ф. 137, № 46, л. не пронумерованы).

19 октября 1915 г., уже после кончины великого князя, В. А. Мазуркевич получил почетный отзыв Пушкинской комиссии (см.: Двадцать первое присуждение премий имени А. С. Пушкина. Отчет, читанный в публичном заседании имп. Академии Наук 19 октября 1915 г. [СПб., 1916]. С. 5).

² *Радченко Александр Федорович* (1858—?) — поэт. Родился в семье военного, близкого по своим убеждениям декабристам. Закончил Константиновское военное училище; в 1879 г. произведен в офицеры. Окончил Академию генерального штаба. В 1909 г. вышел в отставку в чине полковника, после чего поступил учиться в Археологический институт. Начал печататься с 1885 г., хотя писал стихи с детства. В

1894 и 1895 г. напечатал два небольших сборника стихов не для продажи. Другие сборники: «Стихотворения» (1901); «На распутьи» (1905); «Из прошлого» (1908). См.: Автобиография, присланная С. А. Венгерову — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3023. В картотеке А. Д. Алексеева учтен целый пласт журнальных публикаций А. Ф. Радченко и отзывов на его творчество.

Отзыв К. Р. на сборник А. Ф. Радченко «К свету: Стихи (1908—1913)» (Киев, 1914) опубликован уже после смерти великого князя (см.: К. Р. Два критических отзыва. 1. К свету. Соч. А. Ф. Радченко. 2. Тени прошлого. Соч. Н. В. Сарандинаки. Пг., 1915). Рецензия, в высшей степени отрицательная, начинается следующими словами: «В сборнике г. Радченко значительно меньше достоинств, чем недостатков, причем последних приходится особенно много на конец книжки, в котором помещены пьесы, относящиеся к последним годам. Признак прискорбный, свидетельствующий о том, что дарование автора не нарастает с годами и владение стихом не совершенствуется» (Там же. С. 1).

Столь же отрицательны отзывы и других критиков. См.: В-ий Л. [Рец. на кн.: Радченко А. Ф. На распутьи. Стихотворения (1901—1904). СПб., 1905] // Мир Божий. 1905. № 10, отд. 2. С. 90—91; Ш. [Рец. на то же изд.] // Живописное обозрение. 1905. № 4. С. 99.

³ Успенский Федор Иванович (1845—1928) — историк, византолог и славяновед, академик (с 1900 г.). В 1894—1914 гг. — директор основанного им при активной поддержке К. Р. Русского археологического института в Константинополе. (Подробнее см.: Соболев В. С. Августейший президент. СПб., 1993. С. 20—22). С началом Первой мировой войны Академия обеспокоилась сохранением памятников культуры в районах боевых действий. К. Р., как президент Академии, обратился к Верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу (Младшему) с просьбой разрешить Ф. И. Успенскому командировку на Кавказский фронт, целью которой было — эвакуация памятников культуры. Командировка прошла успешно (Там же. С. 58—59). В данном письме, по-видимому, речь идет о готовящейся наступательной операции русских войск на Кавказе. Такая операция состоялась, но не в 1915 г., а в 1916 г., когда в апреле этого года русские войска овладели Трапезундом. Академия Наук в ходе военных действий вывезла часть коллекций редких рукописных памятников Востока (Там же. С. 21).

⁴ А. А. Половцов — лицо неустановленное.

⁵ Министром иностранных дел в это время был Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927).

25

4 (17) мая 1915 г. Павловск

Павловск.
4 мая 1915.

Дорогой Алексей Александрович,

ничего не имею против помещения моей рецензии о Мазуркевиче в Отчете о присуждении Пушкинской премии и отзыве о Радченко и Сарандинаки в трудах Разряда изящ<ой> словесности;¹ впрочем на напечатании двух последних, как работ весьма незначительных, не настаиваю.

Подобно вам верю в искренность И. В. Ягича² и очень желал бы защитить его от некрасивых нападок «Нов<ого> времени». Но трудно оправдать двойное подданство. Каково окажется положение Ягича по окончании войны?

Видел вчера Ф. И. Успенского. Как и его, очень меня заботит отношение нашего правительства к Вселенскому Патриарху в случае овладения Царьградом. Этот вопрос весьма трудно разрешим,

а между тем чрезвычайно важен. Кажется, те, которых он наиболее касается, относятся к нему чрезвычайно легкомысленно, не будучи вовсе подготовлены к его решению.

Искренно ваш
Константин.

¹ См. прим. 1—2 к п. 24.

² *Ягич Ватрослав* (Игнатий Викентьевич) (1838—1923) — филолог-славист. Хорват по национальности, подданный Австро-Венгрии. С ноября 1870 по 1886 г. жил в России. Академик императорской Академии Наук с 1880 г. В 1886 г. переехал в Вену, но не порывал связи с Петербургом, приезжая сюда почти ежегодно для участия в заседаниях Академии.